

Городская проза

Семен Лопато

**МЕРТВЫЕ
ВИДЯТ ДЕНЬ**

**Москва
2020 г.**

УДК821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л 77

Лопато, Семён.

Л 77 Мертвые видят день / Семён Лопато. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 352с. — (Городская проза).

ISBN 978-5-17-121154-7

В яростной схватке у берегов северной Норвегии советская подводная лодка и эсминец гитлеровских кригсмарине уничтожают друг друга. Попав в загробный мир нордической Валгаллы, капитаны кораблей отказываются примириться. И теперь по законам северных богов им предстоит долгий и смертельно опасный путь к престолу Вотана, где они вступят в последний поединок, итог которого определит победителя в противостоянии России и Германии...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-121154-7

© Текст. Семён Лопато, 2020
© Оформление.
ООО «Издательство АСТ», 2020

С чего начать, боже мой, с чего же начать...

Это утро началось с принятой мною радиограммы — чуть помятый листок с бессмысленным набором букв лег на стол перед старшим помощником. Обшарпанный стальной шкафчик, запертый на ключ, стоял по правую руку от него на столе; отперев его и достав шифровальную машину, он, глядя в листок, быстро набрал на клавиатуре первые два десятка букв, машинка заурчала, буквы из радиограммы она подменяла другими, соответствие между буквами менялось с каждой новой радиограммой по сложному псевдослучайному закону — синхронно в шифровальной машине, стоявшей перед старпомом, и шифратором центрального передатчика в главной базе флота в Полярном. Взглянув на то, что получилось, почти без паузы выключив машину и оборвав выползшую из нее бумажную ленту, тем же быстрым механическим движением старпом вернул машинку обратно в шкафчик, заперев его. На слегка свернувшейся ленте тесным неровным оттиском видны были мелкие, как-то по-готически остро отпечатавшиеся буквы.

«24 сентября 1942 г. Командиру корабля...»

Дальше расшифровывать было бессмысленно — в ответ на вводимые знаки машина выдала бы другую, но такую же хаотическую последовательность букв. Надпись «Командиру корабля» означала высший приоритет сообщения, расшифровать все дальнейшее мог только командир — с помощью другой, своей собственной шифровальной машины. Чуть повернувшись к штурману, тут же в тесноте центрального поста склонившемуся над картой, старпом на мгновение встретился с ним взглядом, в следующий миг с чуть заметной усмешкой услышав то, что, кажется, и сам готов был сейчас произнести.

— На размагничивании.

На мгновение прикрыв покрасневшие глаза и сдавив пальцами веки, он мельком взглянул на меня.

— Быстро за ним. С Пантелеевым.

Спрятав радиограмму в сейф в радиорубке, быстро поднявшись через боевую рубку на мостик и спустившись по заменявшим лестницу скобам, я спрыгнул на палубу лодки. Пантелеев вместе с двумя другими матросами возились у орудия; махнув ему, я прошел на корму. Надувная двухвесельная шлюпка покачивалась со стороны берега; забравшись в нее и отвязав фалинь, я дождался, пока Пантелеев, севший на весла, стал грести к берегу, туда, где в паре кабельтовых от нас

у дощатого причала на деревянных сваях теснились лодки и рыболовные катера. Ветер набегал с моря, резкий и проворный, но без зла и холода, не такой, каким был лютый мертвящий ветер Мурманска и Полярного, а казавшийся лишь смутным предвестием дальней беды, быстрым дыханьем и продолжением рваных серых небес, низко, мутно накрывавших эту забытую богом и дьяволом рыбацкую деревушку среди изрезанных скал Северной Норвегии.

Причалив, по каменистой дорожке мы поднялись наверх, Пантелеев шел быстро и уверенно, подойдя к дощатому одноэтажному домику с двускатной крышей, неотличимому от десятка других, он остановился у двери, вытащив папиросу и с ухмылкой кивнув мне; потянув ручку — похоже, дверей здесь не запирали, — я сделал несколько шагов по коридору, «размагничиванием» называли увольнения личного состава на берег — в Полярном или в таких же маленьких деревушках, в бухточках против которых останавливались изредка подводные лодки, пережидая шторм, но запрет схода на берег в норвежских поселках был одним для всех — и нарушался — Вагасковым и, быть может, еще двумя-тремя командирами из числа наиболее отчаянных и наиболее удачливых, о чем, как говорили, начальство знало, хотя и не показывало этого.

Увидев чуть притворенную дверь, мгновенно поколебавшись, я открыл ее, белое плечо спящей девушки блеснуло навстречу мне в неподвижном

утреннем свете, еще невидяще подняв голову, разглядев меня, Вагасков быстро сделал знак выйти, появившись спустя минуту, при слове «радиограмма» разом двинувшись к выходу, он зашагал впереди меня; с трудом поспевая за ним, мы спустились к причалу и сели в шлюпку. Достигнув лодки, вслед за Вагасковым я сошел в центральный пост и передал ему радиограмму; на минуту скрывшись в командирском закутке за занавеской, он вышел с листком расшифровки; услышав: «Боевая тревога. Корабль к походу приготовить», старпом и вахтенный пришли в движение — слабое предвестие того движения, которое должно было сейчас начаться по всей лодке — перед тем как вернуться в радиорубку, чтобы дать отбивку о получении приказа, я бросил взгляд на листок, белевший сейчас на откидном столике перед штурманом.

«В квадрате dX6W замечен эсминец типа 34. Направление: север. Скорость: 12 узлов. Немедленно самым полным ходом следуйте в квадрат qX14W, займите зону патрулирования от точки F2 до точки P2 — SF-HbU»

Меридианная линия 14W была границей разделения при охране конвоев, все, что к западу от нее, было зоной ответственности англичан, к востоку — нашей. Сообщение означало, что не менее суток назад из Нарвика вышел немецкий эсминец, скорее всего, на перехват конвоя, возможно, в дополнение к группе судов, выдвинувшихся раньше;

двигаясь в надводном положении, выжимая все возможное из дизелей, его, вероятно, можно, еще можно было перехватить.

Передав сообщение на базу, слыша топот дизелистов, бросившихся из кубрика в машинное отделение, я знал и чувствовал все, что происходит сейчас на лодке — проверка масляных фильтров и редукторы, насосы охлаждения и топливная система, турбокомпрессоры и валопровод, проворачивание дизелей и пробный пуск через разобшительную муфту, а потом с прямой подачей на винт, наконец, услышав: «Левая машина — стоп! Правая машина — малый вперед! Руль круто на левый борт!» и ощутив мощную дрожь, разом прокатившуюся по лодке, я машинально взглянул на корабельные часы — медленно разворачиваясь и покидая залив, лодка выходила в море. Откинувшись к железной спинке стула, я закрыл глаза.

Идет война. Где-то там, среди каменного крошева и огненной пыли на улицах Сталинграда немецкая пехота рвется к Волге, где-то там, подобно французам и немцам, сражавшимся месяцами под Верденом за избушку лесника, наши и немцы сражаются неделями за развалины того, что было когда-то чьим-то жильем, школами и универмагами, там, именно там, как вторят друг другу газеты и радио, решается сейчас, куда качнутся страшные весы. Немцы помнят Верден, немцы разумны и просеивают все сквозь сито логики и аналитических схем, немцы методичны и не желают потерь

и поэтому немцы не штурмуют городов, немцы окружают их и берут в кольцо, давая подрубленным деревьям рухнуть самим, и если Сталинград до сих пор не взят и вопреки всем правилам идут уличные бои, значит, что-то пошло не так, значит, искрошились и застопорились попытки обойти город с севера и с юга, но немцы настойчивы, немцы все доводят до конца, и, значит, именно там, к северу и к югу от города, среди приволжских степей и высот, где есть, где развернуться танкам и артиллерии, идут сейчас главные бои и жгут друг друга танковые корпуса, там схватились главные силы и там решается все.

Так, наверно, рассудил бы мой отец, и сейчас один, один на всем белом свете, я вспоминаю его, всегда серьезного, задумчивого человека, среди полков с подшивками «Русского инвалида» и «Военного вестника», с русскими и немецкими изданиями фон Рюстова, Шлихтинга и Михневича, готовящегося к лекциям, которых он уже никогда не прочитает, вспоминаю каменное месиво и пыль на месте нашего дома, куда я вернулся после того, как утром, на третий день бомбежек Минска, услышав на улице «Комаровку разбомбили», кинулся на улицу Куйбышева, в надежде узнать, что случилось с Ликой, и не нашел ничего, кроме пустоты и пожаров, которые никто не тушил. И когда гул раздался снова, и, словно отвечая ему, закричала какая-то невидимая женщина, и, не зная, кого и о чем спрашивать, слыша, что гул не приближается, что,

словно осваивая новое для себя место, он обосновывается, настойчиво топчется и вгрызается в землю, перебиваемый нарастающим уханьем, где-то там, на окраине, я пошел назад, переходя на бег и, запыхавшись, снова на шаг, и в странной тишине, оставленной ненадолго улетевшими самолетами, вбежал на нашу улицу и увидел единственную устоявшую стену с приваленными к ней кучами расколотых дымящихся плит. Потрескивало, догорая, деревянное здание поликлиники рядом, и кто-то что-то говорил вокруг, хотя самих людей как будто и не было видно, и отец и мать, вероятно, были там, под плитами, и с этого момента в городе, где, казалось, всем и каждому до всего было дело, где все было дружно и весело, что-то невидимо распалось, и в новой страшной жизни каждый оказался сам по себе. Беженцы беспорядочными толпами шли на восток и, не так уж, наверно, важно, что было дальше и как в конце концов я оказался в Мурманске, где работал инженером в порту двоюродный брат отца, и как я узнал, что его уже месяц нет в городе, и как на набережной, не зная, куда и зачем теперь идти, встретил тогдашнего сигнальщика Божкова, который привел меня домой, накормил и утром отвел к Вагаскову, сразу все понявшему, без лишних расспросов определившему меня юнгой.

Юнги на подводном флоте не положены. Много не положено. Не положено терять отца и мать в пятнадцать лет, не положено за четыре месяца

отдавать половину страны врагу, которого двадцать лет назад, когда он был свежее, резче и сильнее, за четыре года не пустили дальше Риги, не положено подводным лодкам идти днем в надводном положении, что делали мы сейчас, потому что иначе невозможно было достигнуть вовремя расчетного квадрата, не положено было зачислять меня юнгой, но, наверно, тогда уже Вагаскову было позволено чуть больше, чем другим — через полгода меня отправили в школу радиотелеграфистов, и теперь здесь, в радиорубке, рядом с центральным постом и крошечной каморкой командира был мой мир и было мое место.

Лодку тряхануло, рев дизелей от глухого гула возвысился почти до визга, это значило, что, выйдя из бухты, лодка взлетела на первую высокую волну, так что выпускные отверстия обнажились, оказавшись в воздухе, дрожь и грохот прокатились по лодке, странно провисли на проводе, отклонившись от трансивера, воткнутые в него наушники; медленно и тяжело падая с волны, лодка вновь зарылась носом в водяную толщу, звук дизелей сорвался в грохот и рык, дизельная гарь достигла рубки; поднимаясь и приседая, ударяя, рушась носом в просевшую водную пустоту, лодка шла через море. Видя, как рубка закручивается вокруг меня, когда боковые волны били в лодку, как в бубен, слыша неритмично, неотступно сменявшие друг друга звуки: перестук — рокот — рев — вой — свист — перестук, — смешанные с потусторонней

какафонией воды снаружи — удары, скрип, мяуканье, рыданья, хрип, шипенье, дыша выхлопами дизелей, держась за привинченную к полу аппаратную стойку, наклоняясь, взлетая и опускаясь на металлическом стуле, подбираясь и обмякая, я сидел, то закрывая глаза, то глядя на мутно блестящие индикаторы трансивера. Голова стала тяжелой от дизельных газов, ветер срывался со встречного на боковой — судя по тому, как раз за разом заваливалась набок лодка и кренилась вместе с ней рубка, пока рулевой не выправлял курс, уходя от бокового удара.

Радисты на лодке работают, сменяясь — как любой в экипаже; когда акустик сменил меня, я прошел, шатаясь, в носовое отделение, верхняя койка, которую я делил с одним из мотористов, была уже свободной, два гамака свисали рядом, запасные торпеды, ни одна из которых еще не была заряжена, громоздились на полу, занимая место одной из поднятых нижних коек, тяжелые крышки торпедных аппаратов зеленели в головах, электрический свет заливал каюту. Шесть часов сна — в дизельной гари, с минутными замутненными пробуждениями в стук открывающегося и захлопывающегося люка, в дрожи и тряске, в непонятном шуме сменяющихся голосов и сбивчивом движении торопливо протискивавшихся мимо тел. Когда я вернулся в рубку, волнение в море чуть стихло, лодка мерно взлетала и приседала на волнах, прошло еще три или четыре часа, пока по командам,

доносившимся с центрального поста, по быстрым переговорам не стало ясно, что мы наконец достигли расчетного квадрата и что горизонт чист, еще через час командир, кажется спустившись с мостика, скомандовал погружение. Сонар чувствительней глаза, сонар способен уловить шум машин и шум винтов на расстоянии, намного превышающем радиус прямой видимости на поверхности — сейчас, когда под скороговорку команд и трель звонков стопорились оба дизеля, перекрывались их выпускные трубы и воздухозаборники, ведущие валы гребных винтов переключались с дизелей на электродвигатели, и с грохотом рванулся воздух из цистерн плавучести, акустик становился главным человеком на корабле — лодка нырнула носом вниз, включился ровный гул электромоторов, глубинные рули, приподнявшись из положения круто вниз, скорректировали носовой дифферент; услышав с центрального поста: «Лодка удифферентована» и «Подняться на перископную глубину», я знал, что акустик в своей камерке, в ореоле наушников крутит сейчас ручку своего прибора, надеясь нащупать какой-то звук и точной настройкой уловить пеленг.

Тишина. Тишина в сонаре и глухое гуденье электромоторов в отсеках. Волны на глубине двадцать метров толкали лодку, спихивая ее с курса и совсем дурным при такой качке должен был быть сейчас обзор из перископа. И прошло еще два или три часа — два или три часа в переменчивом гуле

двигателей и мутной болтанке, прежде чем неожиданной силы волна бросила лодку в сторону и потянула за собой и послышался голос высунувшегося из рубки акустика.

И тогда все началось.

— Четыре румба справа по борту — шум винтов!

— Докладывать пеленг раз в две минуты.

— ...шум винтов на трехстах сорока градусах — удаляется!

— Рулевой, курс?

— Курс — двести девяносто.

— Круто право руля! Курс — тридцать пять. Продуть носовую цистерну. Рули — на всплытие!

След был взят — поняв, что корабль уходит, бросаясь за ним, желая визуального контакта, понимая, что при таких волнах скорее всего не заметит его вовремя в перископ, Вагасков поднимал лодку в позиционное положение — почти всплыв, под самой подошвой волн, так что над водой возвышалась только рубка, резко прибавив скорость, лодка буравила рванину волн, удар воздуха прокатился по отсекам — открыв люки, вахтенный взлетел на мостик, первый пласт воды, перелетев через ограду мостика, рухнул в центральный пост.

— Видна мачта судна. Расстояние — тридцать кабельтовых. Дыма не наблюдаю.

Кто-то из матросов, скрючившись из боевой рубки, повторял выкрики вахтенного на мостике, скорым усиливающимся эхом слова падали в центральный пост.